

УДК 398 (470)+УДК 811.161.1

ФОЛЬКЛОР И ЯЗЫК РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

© 2011 г.

С.М. Пронченко, М.А. МухинаФилиал Брянского госуниверситета
им. академика И.Г. Петровского в г. Новозыбкове

pronchenko.sergej@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.12.2010

Отражены итоги работы над грантом РГНФ 2010 г. «Формирование и функционирование традиционной культуры на территории Русско-Белорусского пограничья: межкультурное взаимодействие в диахронии и синхронии», при реализации которого была исследована уникальная в фольклорно-лингвистическом плане приграничная с Беларусью территория Брянщины (г. Новозыбков, сёла Верещаки, Новые Бобовичи, Каташин, Старый Кривец, Халеевичи, Внуковичи, Старый Вышков, деревня Вихолка Новозыбковского района Брянской области, г. Злынка и с. Рогов Злынковского района).

Ключевые слова: Российско-Белорусское пограничье, фольклор, брянские говоры, ворожея, знахарка, заговоры.

Устная фольклорная традиция изученных районов Российско-Белорусского пограничья в жанровом плане разнообразна. Показательно соотношение веры в нечистую силу и христианство, общий фон двоеверия, на котором строится генерация произведений устного народного творчества (в социальном и морально-нравственном плане). Одной из особенностей жителей пограничья является их набожность и вера в силу заговорных и заклинательных текстов. Тексты частично запоминаются, преобразуются и варьируются в зависимости от обстоятельств, нередко сочиняются экспромтом: *Детачки, дай... памажи вам, уоспади, сахрани, уоспади, вас и в поли, и в пути, и в дароуи, и в доми, и в настели, и везде и фсюду. Дай, уоспади, вам щастья и всяю хорошагу* (записано от жительницы села Верещаки Новозыбковского района Брянской области Нины Макаровны Елисеенко 1937 г. р.). Такие словесные пожелания счастья, отчасти заимствованные из заговорных текстов и повторяющие их основную структуру, имеются в репертуаре практически любого жителя исследуемого района.

Одной из характерных черт региона является и ярко выраженная ритуальность обрядовых действий. Так, особенно известны случаи хранения или оставления пасхи, святой вербы, мая (осины) на какой-то неопределённый период (иногда на год) в доме, что приносит удачу, ограждает от злых духов или является воздаянием умершим или символом их почёта: *А я... у мяне ўсё ўрэмя. Ты бачишь, што у мяне паска ще стаит на стале? То пасачка спечаная. На Паску спякла, и во пака зацвете яна. Так нада.*

Канхвечачки слажу на стол. Пряничак лажу. А як же? А радители ш памёрли. (Записано от Н.М. Елисеенко). Сильна вера жителей пограничья в волшебные, тайные возможности некоторых предметов: икон, книг, найденных подков и т.д. Данные атрибуты являются каждодневными спутниками жителей Полесья. Особенно распространена вера в видения, голоса, сны, в пророков и гадалок. Популярным является сюжет про старых женщин в военное или довоенное время, которые многое предсказывали, ориентируясь на книги либо на собственные знания: *А ще када вайны не было (вот када ще немецкай вайны этой не было), у мене была бабушка. Дак ўсё казала: «Мая внучачка, немяц ище придя за шапкай». Таво, што Германия ў треттий прихóдила (када им дали уже на хвасту). Тигерь им уже не палезя. «Ще немец придя ў Расию за шапкай». Вот старушка была, а знала фсё... эта во предсказание* (записано от жительницы села Старый Кривец Новозыбковского района Брянской области Анастасии Андриановны Попковой, 1929 г. р.).

Яркой особенностью следует считать веру жителей в свои силы, в свой дух: *Як свой будя дух, дак тады ніхто не пристаня. А як сваеу нима духу, вот тады фсё пристае* (записано от Н.М. Елисеенко).

В приграничных с Беларусью и Украиной регионах проживает значительное количество людей, считающих себя необычными, и людей, которые верят в необычные способности односельчан. Так, любая жительница села или деревни способна «вылечить» или снять сглаз со своих домочадцев: *Первым разам, божим ча-*

сам уоспаду Боуу памалуся, пречистой Матери пакланюся. Зори ж вы, зарянічки, божею памашнічки, памауали ш вы людям? Памажите и нам. Памажите раба божей Маше, например. Адна заря ранняя, друуая – вячерняя, трэття – палуночная, палудённая (И так па уаловце во так уладь). Стаить Матяръ божия перят царскими вратамы, Исуса Хрыста на руках держит. Сам Ысус Хрыстос штоб эту балець у раба божее Маши па воздуху разнёс. (Шепчи тихонька, эта я уромка уаварю. Ну, так тихонька). Калючую, балючую, утешную, пасвешную, урочную и урёчную, падубную, пауадную, нарадимую, нахадимую. А я ш эту балець, раба Божия Нина, иссылаю, вымавляю, вышептываю, выуавариваю, жару прабиваю иж жил, иж пражил, из белауа тельца, из ретивоуа сердца, з буйнай уалавы, з уарючая крави, з магущих плячей, с чёрных печаней, с трепятущих жил, русых бров, русых валос, румянауа лица, с карых улаз, и с кохтикав, из нохтикав, и с пальчикав, са фсех, са фсех суставчикав, иж жиличак, из пражилчак на ляса, на балатá, на тихие воды ссылаю, уде люди не ходят, птицы не летают и звери не беуют. (Падуть тры раза и так паплявать). (Молитва для детей записана от жительницы деревни Вихолка Новозыбковского района Брянской области Нины Ивановны Пастушенко, 1931 г.р.).

В каждой семье, проживающей на пограничье, свои молитвы и поверья, которые передаются по наследству. Многие из респондентов признавались, что и они могут «лечить» и помогать людям, что верят в свой особый дух, в магию слов и в особенную силу своих рук.: Да... У мяне сила такая ё. Я табе расскажу сичас. Эта сила, я табе кажу, сила ў чалавека. У чалавека. Рукой павади, пацапайся во... за ручачку за ее... и то табе будя лучши, если ты можешь сваим абладать сваёй телам сваим... чалавека. Падяржись за руку ти за науу – и табе легше станя (записано от Н.М. Елисеенко).

Чаще всего женщинам эта сила передаётся по наследству от матери, но примечательно, что «лечить» людей можно научиться: Канешина, можна научицца. Если желаешь, дак... Малитвы вон читаешь... «Отче наш...» же ништо? Вси ж учать. Я, если балить у мене рука ноччу, я вот так сваей рукой падяржу. Праходя. В руке, наверна, штось во... штось такое... (записано от жительницы села Каташин Новозыбковского района Брянской области Юлии Фёдоровны Злобовой, 1930 г.р.). Но, по мнению многих респондентов, настоящей, сильной шептухой можно стать, только имея дар от Бога.

Шептухи пользуются особой популярностью у жителей региона. Это синкретичный образ: её могут считать помощницей, человеком от Бога: Ни врачы не памауали, ни бальница не памауала, а яна сваим душком. Душком своим! Шантала... Это за Бога. Яна Боуа прасила! Яна Боуа прасила! Яна так и шепча: Боуа прося. Ну, сийчас ужо, видишь, слабэнькая яна стала, слабая! (записано от Н.М. Елисеенко). Интересным является тот факт, что людям, коровам и лошадям шепчут одинаковую молитву, а для свиней есть другая молитва: Бех сабака черес мост. Чатыри науи, пятый хвост. Ат маево кабана Василя (ти як там далецце) уроки панёс. Ну, ўсё. Три разы прачитал. Памауая (записано от Ю.Ф. Злобовой).

Что касается мифологической прозы, то на территории Полесья широко представлены сюжеты про ведьм и людей, которые могут «подделывать» (колдовать). Например, в невероятный, мифологический компонент образа ведьмы жители не верят, но утверждают, что это им «чудится», «видится» по той причине, что некоторые женщины умеют это «подделать» или внушить, что эти «нехорошие люди» обладают уникальными возможностями воздействовать на других людей: Ана пасмотря тебе ў улаза – и падоа карову, и ты и ня увидишь ее. Владеет такая биатоки... (записано от Н.И. Пастушенко). Чаще всего сюжет мифологического повествования про ведьм включает в себя общеизвестные элементы: символы, животных, на которых порча наводится (корова, свинья), животных и предметы, в которых ведьма способна обратиться (кошка, собака, колесо, копна сена и др.): А Младница (у нас такая была ведьма). Карова тялилася, яна пришла: «Во! Ужо даждали вы свае?» Тольки яна вышла, тялёнак брызь – и здох. Парасёнак. Парасяты этия. «Ой (а нас па-улашинуму Живадёркины дражнили), ў Живадёрак уже свиньи, парасяты, уже свиньи тэй!» Вышла – и парасёнак здох адин. Во якия ё люди! (записано от Н.М. Елисеенко).

Особое внимание заслуживают такие мифологические персонажи, как покойники. Вера в потусторонний мир на территории Русско-Белорусского пограничья связана с семейной обрядовой традицией, с похоронным обрядом, с приметами и поверьями, которые его сопровождают. Широкая их распространённость поражает своими масштабами. Особый вид представляют сны с просьбой покойного ему что-либо передать. Очень часто респондентам трудно определить, являются ли к ним покойники во сне или наяву. Часто можно слышать следующие определения состояния во время происхо-

дящего невероятного события: «причудилось», «толи я сплю, толи нет», «только прилеула», «сонная была», «привиделось», «прибразилось», «вроде, я не спала» и др. Чаще всего покойный приходит в дом или стучит в окно, начинает разговаривать, звать с собой, говорить, что делать и когда: *Ляжу (на этой койце я сплю, во на этой койце)* (Показывает на кровать в комнате у окна. – Авт.). *Так. Тук-тук-тук в акно. Ой, ну хто тама? Ночь. Ну хто тама? Изноў тук-тук-тук-тук. «Нина, Нина», – на мяне. Ой, укаёцца. Ни буду атукацца (Як Мишин уола, хазяина маею, который уже памёр). Сорак дней ище. На сорак дней. Как раз сорак дней. «Нина, ўставай: уже ўрэмя. Нада ўтавить»* (записано от Н.М. Елисеенко). Среди жителей пограничья распространено мнение, что можно совершить ряд обрядовых действий, которые смогут избавить человека от нежелательного посещения его покойным во сне и наяву. Так, повсеместно считается, что испеченный блин помогает избавиться от «посещений» покойника во сне. Блином просто поминают умершего, сидя на пороге.

Популярностью у жителей приграничных территорий пользуются календарно-обрядовые праздники. Большая часть респондентов никогда лично не участвовала в этих обрядах, а помнит их со слов родителей. Уникальным является обряд «Стрела» или «Ушестие», а также «Вождение русалки». К последнему обряду примыкает и вера жителей региона в русалку. Верят в этот персонаж и в Новозыбковском, и в Злынковском районах, а обряд вождения проводится лишь в ближнем к Беларуси Злынковском районе, где отсутствует обряд «Стрела». Так, русалки чаще представляются «красивыми»: *Русалки деўки красивые. Я видела адин рас, но не тут, а на реке ў Брянске на Десне* (записано от жительницы села Новые Бобовичи Новозыбковского района Брянской области Татьяны Афанасьевны Пастуховой, 1934 г.р.) и добрыми существами с гипнотической внешностью: *Да, бывает. Да. Эта ж тэя русалки, каторые дети топяцца да люди. И асобянна девачки. Вот ани и русалачки. Да-а, ўваряць. В белом адеты. Добрые.* (Записано от Ю.Ф. Злобовой).

Всё больше распространяется такое явление, как смешение, синтез общероссийской традиции и исконных обычаев празднования календарных обрядов, так как районные отделы культуры составляют сценарии массовых гуляний, опираясь не столько на воспоминания жителей региона, сколько на современные издания фольклорной тематики. Среди семейных обрядов большой популярностью пользуются кре-

стины, свадебный и похоронный обряд. А вот обряд «Проводы в армию» практически отсутствует на территории Российско-Белорусского пограничья.

Как показывают наблюдения, в прозаическом, песенном и календарно-обрядовом фольклоре Российско-Белорусского пограничья выделяются прежде всего акцентологические и фонетические особенности. Изменение ударения в диалектных словах характерно для имён существительных, прилагательных, глаголов, местоимений: *дачка́, не было́, старая́, дру́гий, ато́дить, нико́му, памаже́т, парали́ч, уаво́ришь, прихо́дил, ро́дная, переплы́ли, пили́, було́ (было), падо́дить (подпевать), кри́стицца, жили́, памёрла, ни дапи́ли, не при́дишь, еписко́п, скатерсте́й, на каро́мыслах, ре́мень* и др.

Большим разнообразием характеризуется фонетический аспект диалектной фольклорной лексики. В нём можно выделить следующие особенности: 1) метатеза (перестановка букв в словах): *простины́, ярмалак* (ярмарка); 2) яканье в первом предупредительном слоге: *у мяне, дя́ржйт, увя́чили, ся́дыя, пажа́лыя, ня буду́, у яе, ў пры́эдне́й хате, к Ве́ряцакам, утя́кат, ся́дела, мяша́й, бя́рэ, смя́тана* и др.; 3) яканье в первом заударном слоге: *погря́п, Же́нячка, четва́ря* и др.; 4) произношение на месте приставки и предлога с [з] (влияние украинского языка): *зложе́ное, з уа́роду, з ё́й ся́дели, з намы́, з во́сяни* и др.; 5) произношение на месте литературного г γ-фрикативного: *бе́уаў, ў́сяуда, перя́беула, уу́рки, у́рахвинчик* и др.; 6) появление протетического и эпентетического j: *яны́, найш́ёлся, у йих, яна, перя́йшла, ё́н, йих, не прий́шла* и др.; 7) протетические и, с: *ишла́, изделали́, изду́рэл, ирвала́, изноў́ (снова), спако́й (покой), ише́л;* 8) произнесение на месте [ф] [хв]: *схвата́рафи́руя, прахвесся́, хверма́, хвинская́, пат щихви́рам* (под шифером), *канхвечачки́, у́рахвинчик, хвата́ (фата), бухвет* и др.; 9) произношение на месте орфографического ь, и [с], [н], [ч], [т], [л]: *валосся́, варэ́ння, придава́ння, ноччу́, сваття́, пахмелля́* и др.; 10) замена [з] на [и]: *иде́ (где);* 11) произношение на месте орфографического е звука [э] (отверждение согласного) (влияние белорусского языка): *скарэ́й, здурэ́ла, варэ́ння, пау́арэла, крэ́пкий, зга́рэли, ўрэ́мя, ся́рэдня* и др.; 12) замена [т] на [д]: *дак* (так); 13) замена орфографического ё на е: *ее́, живе́ть, и́сце* (ещё) и др.; 14) вторая палатализация: *ў ула́цы, ў Ня́свояцы́, па межа́цы, на до́йце, па уа́ловацы́, па ма́тце, на табу́рете́це, на кни́жце, на эта́й койце́, ў розава́й саро́йце, в Ня́свое́це, *спя́чи* (спеки (пов. накл.)), **мача́й* (макай (пов. накл.)) (последние две формы выравниваются

по формам 2 л. ед. ч.) и др.; 15) произнесение на месте [чн] [шн]: *плиташиник, па-улашинаму*; 16) замена орфографического *е* на *и* в формах повелительного наклонения: *пийте* (пейте), *пий* (пей); 17) перегласовка: *сабе* (сохранилось в говорах из древнерусского языка), *пяём* (поём), *котицца* (катится), *тихенька* (тихонько), *тым* (тем), *карасин* (керосин), *сусим* (совсем), *глыбокая, бுவая, идом* (идём) и др.; 18) произнесение *ў* на месте *в, л* в начале или конце слов: *ў ўоради, ўадоў, ў банку* (в банке), *ўсё, ўнук, бычкоў, дамоў, делаў, прыгаў, скакаў, засмеяся* (смешение *в* и *л*), *раздеўся* и др.; 19) наличие протетического *в*: *возира* (озеро), *вакно, з вояни, ў вармию, вугол* (угол), *вузёл* (узел), *вулицей, воспа, вочи, вуспяччам* (ногами), *вумная* и др.; 20) мена [с] на [ш]: *шашинаццати*; 21) выпадение звуков: *Ражаство, кала* (около), *ат стуа* (от испуга), *низя* (нельзя), *ни днаоу, Аржаникидзе, из Гомля, по дном класу, ще* (ещё), *десь* (где-то), *ни тмоля* (не отмолит), *переймаять, ноуда* (иногда), *топленик* (утопленник), *трэзаная* (отрезанная), *щепит* (общепит), *витинар* (ветеринар), *схватарафируя* (сфотографирует), *прибражацца, планитян* (инопланетянин), *Люба Ндреевна, ампир* (вампир), *никада* и др.; 22) мена [и] на [ы] (отверждение согласного) (влияние белорусского языка) и наоборот: *трыццаць сядмоуа, бяры, прыду, учителка, трактарыстам, грыбы, дирачка, крычала, прыдять* и др.; 23) произношение [сч] на месте [ш], [у] или [г] – на месте [в]: *считая, бальшеннауа, нёглюпскауа* и др.; 24) эпентеза: *придавання* (придание), *вытянуули, палзуком, прибавутки, тяуя, скатерстэй, саджали, пасяджу* и др.; 25) замена [з] на [ж]: *дражлили*; 26) стяжение гласных звуков: *паблывался, пабмараживал*; 27) неразличение *щ* и *ш*: *щихверам*; 28) отверждение или смягчение согласных: *пе[н]сию, верх, докторь, качарьуа, зерькала, кров* (кровь); 29) смешение *р* и *л*: *на калидорчику*; 30) [ск] на месте [зг]: *ў масках* (в мозгах), [ст] на месте [зн]: *жисть*.

В фольклорных текстах, бытующих на территории русско-белорусского пограничья, широко представлены собственно диалектные слова: *бачишь* (видишь), *чистахольница* (чистюля), *якая* (красивая, здоровая), *хўста* (платок), *аттуляки* (оттуда), *добря* (очень; хорошо), *саплашала* (стала тяжело больна), *ляпали* (стучали), *няякая* (тяжело больная), *карагот* (хоровод), *саматная* (собственного производства (о водке)), *спужалася, падделываць и делаць* (колдовать), *снедаць* (завтракать), *недачка* (падчерица), *шворень* (железный прут), *пахавали* (спрятали), *пасёстра* (двоюродная сестра), *пасвила,*

капаничить (копать), *утякать, паткуруць* (поджечь), *падлётки* (подростки), *мачай* (макай), *зриначки* (по отношению к зрению человека: возможность видеть самое малое), *пампушки* (оладьи), *рязины* (резиновые сапоги), *аттуль* (оттуда), *зирнула* (посмотрела), *схапили* (схватили), *пуня, межавник, пряселцы* (забор из прутьев орешника), *калючая* (о корове – бодающая), *вячэря* (ужин), *рэуат* (смех), *карчовая* (согнутая), *вавки, чула* (слышала), *заплюнуть* (закрыть – о глазах), *дэтник* (судороги), *уаманили* (рассказывали), *улаголя* (говорит), *уаразда* (очень), *сварка* (ссора), *пацапаюся* (прикоснусь, подержусь), *ни састракайся* (не встречайся), *вуспяччам* (ногами), *трохе* (мало), *казал, атужацца* (отзываться), *папытала* (спросила), *насярбалася* (напилась), *брюхатая* (беременная), *тярэшка* (бабочка), *брюхачить, шибачка* (стекло в оконной раме), *атмуляваць* (нарисовать), *вилки* (ухват), *хавать* (хоронить), *мишаник* (место, где зимуют пчелы в ульях) и др. Приведём в качестве примера, иллюстрирующего акцентологические, фонетические, лексические особенности фольклорных текстов, песню «Соловья» (записана от Н.М. Елисеенко): *Соловья, саловья смутён, не вясёл. / Ой, уаловку навесил, зёрна не клюёт. / уаловку навесиў, зёрна не клюётъ. / «Ой, клявал ба я зёрна да волюшки ж нет» / «Клявал ба я зёрна дак волюшки ж нет» / «Ой, пявал ба я песню да уоласу ж нет» / «Спявал ба я песню дак уоласу ж нет» / «Ой, залатая клетка ссушила ж дай миня» / «Залатая клетка ссушила ж меня» / Ой, маладая девка в саде ууляла. / Ой, скалола ручку, ножку, зделалась дай бальна. / Зделалась бальна. / Ой, крычала-уука́ла: «Дайтя докторя». / Крычала-уука́ла: «Дайте докторя». / Ой, прияжся докторь, парень маладой. / Прияжся докторь, парень маладой. / Ой, спрашуя у девки, чем девка ж дай бальна. / Спрашуя у девки, чим девка ж бальна. / «Ой, баять ручки ж, ношки, балить уалава» / «Баять ручки, ножки, балить уалава» / «Ой, давольна табе, девка, докторя ж дай дурыть» / «Давольна табе, девка, докторя дурыть» / «Ой, пара ж табе, девка, сына радить».*

Преимущественно в прозаическом и обрядовом фольклоре употребляются диалектные фразеологизмы: *дева девава́я* (старая дева), *живая смерть, крычала криком, козабам дивицца* (чем-то недоволен), *маски завязать* (забыть), *шапка валится* (страшно). Особенны и собственные имена: *Наля* и *Наня* (ум.-ласк. от Анастасия), *Живадёркины, Живадёрки* (уличное прозвище), *Свяцка́я* (село Святск Новозыбковского района), *Топалка* (с. Великая Топаль). Грамматические особенности фольклорных

текстов, записанных на территории русско-белорусского пограничья, представлены прежде всего морфологическими чертами: 1) склонение глаголов I спряжения по типу II спряжения и наоборот (так как окончания 3 л. мн. ч. безударные): *будяць, работаяць, деляць, ламаюць, ядуць, не деляцца* и др.; 2) наличие постфикса *-ся* в глаголах: *зделалася, даждуся* и др.; 3) усечение конечного *t* в глаголах 3 л. ед. ч. (формы, пришедшие из др.-русск. языка): *рве, зайдя, киня, падойдя, можа* и др.; 4) выпадение *c* в формах 3 л. ед. ч. глаголов: *дат* (даст); 5) образование ненормативных глагольных форм: *скарэйте* (в значении сравнительной степени наречия скорее), *шоўши* (идя); 6) употребление форм имён существительных, местоимений Д. п. в П. п.: *на хатах* (по хатам), *на этих* (по этим), *на буквах, на ножачках, ў пасёлку, на лавачку* (на лавочке) и др.; 7) употребление окончания *-амы* вместо *-ами* в формах имён существительных Т. п.: *рукамы двёмы, кладавыцкамы, нагамы* и др.; 8) рассогласование форм подлежащего и сказуемого: *украца ўроши*; 9) употребление местоимений по типу имён прилагательных: *этый, гэты, тая* и др.; 10) глагол «есть» представлен формой *ё*; 11) употребление в формах сравнительной степени имён прилагательных и наречий, которые в русском литературном языке употребляются с суффиксом *-е*, суффикса *-ей*: *ляхчей, мялчей*; 12) изменение рода имени существительного: *ярмалак* (м. р.), *лавачек* (лавочка) (ед. ч., м. р.), *насып* (м. р.), *вядерка* (м. р.), *банок* (ед. ч., м. р.).

В фольклорных текстах, записанных в селе Верещаки, распространена частица *-тки*, которая употребляется с диалектным указательным местоимением *тама*: *Пашли на Купальню, и тама-тки тэй хлопчик назбирал бычкоў гэтых, што куряць же взрослые; А у яе тама-тки была аттуля плетяначка; Тама-тки дамавые живут; У каю ж эта тама-тки...* (Записано от Н.М. Елисеенко). Представлены и глагольно-междометные формы, которые подчёркивают мгновенность действия, делают его эмоционально окрашенным: *бах!, брызь, пых!, чухись, зирк, фить, буль, сёрб, нырх, шух*. Ср.: *Хароший мой дятка. Эта маея тётки мужик. Пых! Вакно распахнулась. Ён – брызь на пол. Пена и со рта пашла – и фсё. И дятка стал во так во* (Записано от Н.М. Елисеенко).

Акцентологические, фонетические, лексические и грамматические особенности диалектных фольклорных текстов обусловлены географическим расположением Новозыбковского и Злынковского районов. На речь жителей пограничья оказывает влияние белорусская и украинская культура, белорусский и украинский языки. Анализ фольклорного материала показывает, что в диалектной речи сохраняются явления, характерные в том числе и для древнерусского языка.

Итак, Российско-Белорусское пограничье – это уникальная территория с точки зрения истории, культуры, религии, фольклора, языка, требующая дальнейшего многостороннего научного изучения.

FOLKLORE AND LANGUAGE OF THE RUSSIAN-BYELORUSSIAN BORDERLAND

S.M. Pronchenko, M.A. Mukhina

In the process of the joint project «The formation and functioning of the traditional culture on the territory of the Russian-Byelorussian borderland: intercultural cooperation in diachronia and synchronia» supported by the Russian Humanities Scientific Fund in 2010 we have studied the unique (with respect to folk-ethno linguistics) boundary area with Byelorussia of the Bryansk region: Novozybkov, Vereshchaki, Novye Bobovichi, Katashin, Vnukovichi, Stary Krivets, Khaleevichi, Stary Vyshkov, Vikholka, Zlynka, Rogov.

Keywords: Russian-Byelorussian border zone, folklore, Bryansk dialects, witch-doctor, sorceress, spells.